

Феминизм для всех

От редакции журнала «Гендерные исследования»

Что такое феминизм?

Ответить на этот вопрос сегодня сможет – даже без помощи google – каждый школьник. Но феминизм – это не только теория и политическое движение, продвигающие и защищающие права женщин и гендерное равенство от мизогинии, сексизма, домашнего насилия и т.п., это также мгновенный и безошибочный проверочный тест, идентифицирующий личность и позиции каждого, не оставляющий равнодушным никого и немедленно делящий любое человеческое сообщество на два сражающихся лагеря, охваченные аффектами гнева и любви, ненависти и восхищения, отвращения и восторга, сравнимыми по интенсивности, наверное, только с аффектами, вызываемыми идеей коммунизма.

Действительно, феминизм, так же как и коммунизм, – это не внутреннее дело определенного класса или пола, отстаивающих свои личные или групповые меркантильные выгоды и интересы. Это проект преобразования всего общества и эмансипации самых различных групп дискриминированных и угнетенных. «Феминизм, – как формулирует Полли Тойнби, – всегда был революционным, требуя, чтобы мир был перевернут с ног на голову. Он ставит под сомнение каждую ценность, он бьет в сердце каждого».¹ Феминизм спешит проявить солидарность со всеми видами борьбы за справедливость и не боится давать ответ на все самые жестокие и горькие вызовы современности.

Сегодня, когда человечество переживает кризис, может быть, самый болезненный и трагический за последние 100 лет, задевающий и ставящий всех нас лицом к лицу с потрясениями и бедами нашего времени, каждому из нас неизбежно приходится осуществлять выборы и принимать решения в ситуации нестабильности и неразрешимости, когда прежние ответы, казавшиеся удовлетворительными еще вчера, сегодня уже не годятся в принципе, а все прежние знания, умения и заслуги обнуляются и оказываются бесполезными.

Справится ли с этими новыми вызовами феминизм, сможет ли он сохранить верность своим идеалам и принципам в новых исторических условиях?

Не станем спешить с ответом на этот вопрос. У международного феминизма были выдающиеся достижения и победы. Но были и обидные поражения, и незамеченные ловушки – последствия обманутого доверия к либеральной демократии и капиталистической свободе как на Западе, где феминистские политики не раз становились инструментом секьюритарной мобилизации и дискриминации по критерию расы, гендера и сексуальности (иммигрантов, этнических и религиозных меньшинств, трансгендеров и т.д.), так и в странах бывшего Восточного блока, где феминизм, солидаризируясь с национализмом и милитаризмом и празднуя занятие женщинами правительственных должностей, не раз объединялся с неолиберализмом, дистанцируясь от социалистических и левых политик.

Механизмы функционирования этих ловушек и способы их избежать не раз анализировались и обсуждались в феминистской теории. Такие современные феминистские теоретики как Зилла Айзенштейн, Линда Зерилли, Роза Брайдотти, Венди Браун, Джудит Батлер, Нэнси Фрейзер и их коллеги, показали, что эти ловушки власти организованы как стратегии соблазна, задействующие обещания безопасности, социальной защиты, эмансипации (вспомним, например, что империалистическая агрессия США не раз представлялась как защита и эмансипация исламских женщин, геев и т.п.), чтобы не дать заманить себя в которые феминисткам важно не отказываться от самих себя, от своих основополагающих принципов и способностей.

Как показывает интернациональный опыт феминистской теории и практики, феминизм, способный противостоять ловушкам/соблазнам неолиберального патриархатного капитализма, должен соединять в себе 3 важнейших способности: 1) *способность быть политическим*, действовать как *политическая практика*; 2) *способность выполнять функции критической теории* и 3) *способность проявлять себя как страсть, как аффект*.

Что важно знать и делать для реализации этих способностей?

Во-первых, важно помнить, что феминизм – это по определению *политическая практика*, понимаемая предельно широко как включающая не только сферу публичного, но и приватного, личного, определяемого как политическое, которое пронизывает все формы и сферы женской жизнедеятельности. Но не становится ли в результате такого расширения граница политического и неполитического нефиксируемой, неразличимой, так что возникает сомнение – не оборачиваются ли процессы политизации деполитизацией, обнаруживающейся под маской политического? Феминистский политический теоретик Венди Браун называет в качестве причины совре-

менной деполитизации политики капиталистическую финансиализацию, противопоставляя ей эмансипаторную ориентацию политического проекта марксизма. Важно помнить, что политический проект – это всегда эмансипаторный проект, в котором, в отличие от деполитизирующего экономизма, никогда не признается первичность экономического интереса, выгоды по отношению к эмансипации и требованиям равенства и справедливости.

Во-вторых, важно помнить, что самая эффективная критика отношений господства, включая патриархатное господство, – это критика не извне, осуществляющаяся как внешняя интервенция, а критика изнутри, поворачивающая силы господства против самих себя и интериоризирующая их насилие. Поэтому такими политически эффективными, не смотря на сомнения и возражения многих феминисток, являются миметические и пародийные стратегии феминистской критики патриархатной культуры, осуществляющиеся в форме 1) пародийного перформативного повторения (Джудит Батлер), 2) эксцессивного мимесиса (Люс Иригарей), 3) интимного восстания (Юлия Кристева) и др., целью которых – так же как и интеллектуальных стратегий самых неугомонных критических философов (или антифилософов), таких как Жижек и Бадью – является отказ от объективизма и «ползучего», по выражению Ленина, эмпиризма, в том числе в гендерных исследованиях, и создание не новых позитивистских теорий, а таких, которые готовят к тому, чтобы безбоязненно встречать дизъюнкцию, бесосновность, неразрешимость, с которыми мы всё чаще и чаще встречаемся сегодня.

И, в-третьих, важно не забывать, что феминизм – это всегда страсть, аффект, постулирующий безусловную ценность и приоритет аффективного измерения политики над телеологическим, постулирующим ценность прагматической и позитивной цели, и предположительно универсальной политической воли, необходимой для её достижения. Аффект ценен для феминизма тем, что он устраняет из политического мышления фаллоцентристскую оппозицию «разум – чувство», «дух – тело», «ведущий – ведомый», формулируемую, в том числе, как противопоставление «продуктивной», «полезной» чувственности и чувственности «бесполезной», «деструктивной», отказаться от которой женщинам и всем другим группам угнетенных элиты рекомендуют на протяжении всей человеческой истории. Поэтому стоит хорошо подумать, прежде чем безоговорочно довериться тем товарищам, которые предлагают феминисткам ограничить, рационализировать/реструктурировать их аффект, страсть в их же интересах. Подумать и, возможно, ответить словами Бадью: «вы говорите мне, что если я дам волю своей страсти, она может оказаться слишком опасной? Значит, я так и сделаю. Вы говорите мне, что если я не откажусь от рационализации

своего аффекта, это может помешать моей карьере и личной жизни? Значит, я так и сделаю. Вы говорите мне, что если я не предаю свою страсть, меня ожидает болезнь, одиночество, депрессия? Значит, я так и сделаю».

Теперь, в этом контексте, зададим вопрос о постсоветском феминизме первой четверти 21 века: обладает ли он этими 3-мя базисными способностями? Является ли он опасным, представляющим реальную угрозу для авторитарной власти и ее институций?

На первый взгляд, ответ на этот вопрос должен быть положительным: «Да, сегодня постсоветский феминизм заставляет власть прислушиваться к своим требованиям, таким как «Свободу сестрам Хачатурян!», «Нет – абьюзу и харассменту в академии!» и др.» С другой стороны, разве не возникает у нас настораживающее впечатление, что представители власти и деятели культуры стали как-то слишком часто проявлять толерантность и понимание в отношении к феминизму и гендерным исследованиям? Конечно, постсоветские консерваторы по-прежнему против феминизма и гендера, как и консерваторы и сексисты во всем мире. Но прогрессивные отечественные журналы и издательства сегодня любезно переводят и издают литературу по феминизму и гендерным исследованиям, которую охотно продают прогрессивные книгопродавцы, выделяя для феминизма специальные книжные полки в своих магазинах. Феминизм и гендерные исследования также поддерживают передовые академические институции, и среди ведущих постсоветских учёных растёт понимание того, что внедрение феминизма и гендерных исследований в локальные науки повышает их конкурентоспособность и возможность экспорта себя и своего продукта на Запад. Всё это резко контрастирует с ситуацией в 90-ые, когда, как хорошо помнят ветеранши и ветераны постсоветского феминистского движения, феминизм и гендер встречал отчаянное сопротивление не только власти, но и академических сообществ и институций: ученые советы отчаянно сопротивлялись защитам диссертаций «по гендеру», прогрессивные издатели отказывались издавать феминистские книги, а книготорговцы – продавать то, что феминисткам удавалось опубликовать.

Но как только феминизм начинает казаться опасным, что происходит всегда, когда он выступает как *соединение политической практики, критической теории и аффекта*, его сразу стремятся нейтрализовать, умиротворить или, если не получается, устранить и подвергнуть репрессии. Это хорошо понимали и понимают функционеры авторитарной власти, осуществившие в 00-ые и 10-ые знаковые репрессии феминистских теоретиков в России – Анны Альчук за выставку «Осторожно религия» в 2003 году и

феминистской панк-рок-группы Pussy Riot, инициированной философом-феминисткой Надеждой Толоконниковой, за акцию в храме Христа Спасителя в 2012. Сегодня – это показательная репрессия ЛГБТ активистки Юлии Цветковой, которой грозит тюремное заключение по абсурдному обвинению в распространении «порнографии» в социальных сетях.

Таким образом, сегодня феминизм в странах посткоммунизма стоит перед решающим выбором: оставаться опасным и непредсказуемым для власти, или выбрать стабильность и безопасность для себя и для власти, действующей как виртуоз соблазна, подкупа и секьюритарной мобилизации, успех которой означает, что её порядку больше ничего не угрожает, и она может длиться вечно как президентство Путина или «миротворческая» война на Донбассе.

Какие выборы осуществляет новое поколение феминизма в бывшем СССР сегодня? Какие решения оно предлагает в текущей ситуации неразрешимости? Этим выбором и решениям посвящен этот номер журнала, выходящий в ситуации, с одной стороны, растущей нестабильности и отчаяния, а, с другой, – новых надежд и ожиданий нового начала.

Задача этого номера – дать слово и голос постсоветским феминисткам начала 21 века, чтобы они сами смогли ответить на эти вопросы.

На наш взгляд, сегодня мы видим 4 направления феминистских усилий, направленных на то, чтобы Событие феминизма в странах бывшего СССР состоялось, которые совпадают с 4 родами человеческой деятельности, в которых, по убеждению Бадью, События и Идеи возможны. Это Искусство, Политика, Наука и Любовь. Такая и структура этого номера: Искусство/Поэзию представляет поэтесса Галина Рымбу, инициатор проекта Ф-Письмо; Политику – дебаты о политической чувствительности, организованные факультетом социологии и философии в Европейском университете Санкт-Петербурга представляет Анастасия Кальк; Науку – как постгуманистический проект нового материализма (или объект дезориентированной онтологии, как его определяет Аленка Зупанчич) представляют Герман Преображенский и Алла Митрофанова. Любовь (или её отсутствие) в контексте актуальных дебатов о харассменте и о сексуальном рабстве/свободе представляют Людмила Бредихина и Диниил Жайворонок.

Прежде чем опубликовать материалы теоретической дискуссии о современном сексуальном рабстве/свободе и карцеральном/тюремном феминизме, мы решили, следуя традициям «Группы информации о тюрьмах», сформированной на волне событий Красного мая 68 года Мишелем Фуко

и Даниэлем Дефером, дать слово самим секс-работницам, чтобы услышать непосредственно от них, что такое сексуальная работа и жизнь секс-работников изнутри, и как представляют свою ситуацию, насилие и свои эмансипаторные перспективы сами секс-работники, не боящиеся идентифицировать себя как проститутки, т.е. принимающие свою принадлежность к тому иллегальному и анонимному, без которого событие невозможно.

Как вы, наши дорогие читатели, возможно, заметили, уже много лет наш журнал публикует тексты очень разных авторов – опытных и начинающих, известных и дебютантов, теоретиков и активистов, представляющих самые разные научные дисциплины и исследовательские направления, придерживающихся самых разных теоретических взглядов и методологий и является открытой творческой платформой, в которой могут участвовать ВСЕ, размышляющие о феминизме и гендерных вопросах, а не только те, кто поддерживает концепцию редакции. Конечно, мы понимаем, что такой проект не может не вызывать несогласие и вряд ли понравится тем, кто рассматривает издательскую политику как важный инструмент академической карьеры, получения признания и влияния на академическое сообщество. Но феминизм же никогда и не старался никому понравиться, привлечь к себе внимание, чтобы завоевать больше новых сторонников и подписчиков. Для феминизма важнее всего всегда было, говоря словами Батлер, не делить жизни людей на жизни, которые стоят того, чтобы их проживать и те, которые этого не стоят – на жизни лидеров и жизни массы, на жизни «достойных» и на жизни «недостойных», на жизни «метров» и на жизни «чайников». Феминизм для всех – это феминизм для всех, кто действительно хочет изменить этот мир в сторону более эгалитарного, справедливого и непредсказуемого будущего, а не просто удачно приспособиться к его правилам ради успеха и выживания любой ценой.

¹ Тойнби Полли. Миф о женском освобождении // Центр политического анализа, 04.06.2020 <https://centerforpoliticsanalysis.ru/position/read/id/mif-o-zhenskom-osvobozhdenii>